

Никита Александрович Рогаленко

Национальный исследовательский университет ИТМО, аспирант, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: nikitair@mail.ru

Основания человеческого творчества в эпоху генеративного искусственного интеллекта

Аннотация. В статье рассматривается проблема уникальности человеческого творчества в свете активного развития генеративного искусственного интеллекта, способного создавать тексты и изображения по запросу. Основная часть исследования посвящена формированию оснований человеческого творчества, поиску таких мировоззренческих установок, которые могли бы помочь человеку утвердить собственную самость в ситуации технологических изменений, не позволяя свести его творческий процесс к машинным операциям. В результате было установлено, что такие основания лежат в плоскости подчеркнута личностного начала творческой активности, в спонтанности творческого акта и в его поэтической природе.

Ключевые слова: творчество, искусственный интеллект, техника, интертекстуальность, художественное творение, поставляющее производство.

Nikita A. Rogalenko

ITMO National Research University, Postgraduate Student, Saint Petersburg, Russia
e-mail: nikitair@mail.ru

Foundations of Human Creativity in the Age of Generative Artificial Intelligence

Abstract. The article examines the problem of the uniqueness of human creativity in light of the active development of generative artificial intelligence capable of creating texts and images on demand. The main part of the study is devoted to the formation of the foundations of human creativity, the search for such ideological attitudes that could help a person assert his own self in a situation of technological changes, not allowing his creative process to be reduced to machine operations. As a result, it was established that such foundations lie in the plane of the emphatically personal beginning of creative activity, in the spontaneity of the creative act and in its poetic nature.

Keywords: creativity, artificial intelligence, machine, intertextuality, artistic creation, supply-driven production.

Введение (Introduction)

Человек информационной эпохи существует в ситуации постоянных технологических изменений, постепенно меняющих как облик окружающего мира, так и представление человека о самом себе. Одним из таких изменений становится появление генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ), позволяющего создавать тексты и изображения по пользовательскому запросу. Инструменты генеративного ИИ всё глубже проникают во все области деятельности современного человека, включая также сферы творчества, искусства и производства эстетического в целом. При этом генеративный ИИ не просто анализирует входной массив данных, но и посредством определенных алгоритмов самостоятельно производит артефакты на основе имеющейся информации, словно воспроизводя подобным образом творческий процесс, характерный для человека.

Возникновение нечеловеческого субъекта, способного формировать визуальные и текстовые образы, особенно остро поднимает проблему ценности творчества как особой духовной сферы человека. Важнейшей проблемой, требующей философского осмысления, становится вопрос о том, не будет ли человек чувствовать свое творчество обезценным в условиях конкуренции с ИИ. Под обезцениванием в данном случае понимается гипотетическая ситуация, в которой творчество как средство самовыражения утрачивает собственную ценность, уступая первостепенное значение прикладной направленности творческого процесса, нацеленной на получение практического результата. Достижение подобного состояния в свете дальнейшего технического прогресса кажется возможным, во-первых, в связи с общей дегуманизацией современных мировоззренческих установок и утратой человеком центрального места в мироздании;

© Рогаленко Н. А., 2024

Для цитирования: Рогаленко Н. А. Основания человеческого творчества в эпоху генеративного искусственного интеллекта // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 65–69.
DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-65-69

во-вторых, в связи с интенсивным развитием ИИ, вследствие чего производимые им артефакты становятся сравнимы по качеству с человеческими при более высокой скорости производства и более широких возможностях быстрой коммерциализации.

Целью исследования стало определение мировоззренческих установок по отношению к творчеству, в рамках которых человек сможет утвердить собственную уникальность в условиях появления нового нечеловеческого «творящего» субъекта. Предметом исследования являются специфические черты творчества как сугубо человеческой деятельности, несводимой к операциям, доступным машинному воспроизводству. Достижение поставленной цели предполагает анализ философских оснований и культурных предпосылок, повлекших за собой возможность уравнивания ИИ и человека в производстве текста и образов, а также выявление «обесценивающих» факторов рассматриваемого феномена и определение способов к утверждению аксиологического и онтологического статусов человеческого творчества.

Методы (Methods)

Методологической основой исследования послужил философско-антропологический подход, предполагающий акцентирование внимания на проблемах человека и рассмотрение его как существа особенного, принципиального отличного от технических объектов.

В процессе анализа культурных предпосылок к возникновению обозначенной проблемы использовался герменевтический метод анализа текстов философов-постмодернистов, размышления которых предваряют наступление эпохи ИИ. С использованием данного метода изучались также и различные тексты о сущности техники как таковой.

В рамках работы применялись также компаративистский и диалектический методы. В частности, они использовались при обнаружении противоречий в организации «творчества технического» и «творчества человеческого», а также при их дальнейшем исследовании в динамике взаимодействия друг с другом.

Литературный обзор (Literature Review)

Влияние технического прогресса на человека, проблема соотношения границ «технического» и «человеческого», фундаментальные основания бытия людей и машин — всё это попадает в поле рассмотрения многих философов последних двух столетий. Значительный вклад в проблематику существа техники как особого рода сущего внесли такие философы XX в., как М. Хайдеггер, Ф. Г. Юнгер, Н. А. Бердяев. С нашей точки зрения, работы именно этих философов кажутся особенно важными, поскольку в них анализируются антропологические аспекты развития техники: как техника меняет человека и его взаимоотношения с окружающим миром, в том числе и в сфере творчества. Так, М. Хайдеггер пишет о средствах «раскрытия потаенности» и об опасности для человека забвения поэтического способа в свете технического «постава» [1]. Н. А. Бердяев говорит о роли человеческой личности в условиях технической цивилизации, развивая проблематику порабощения техникой человека и его освобождения через христианское миропонимание и твор-

ческую активность [2]. Ф. Г. Юнгер рассуждает о тотальном рационализирующем характере техники, доказывающем свою эффективность через практический результат, подчиняя при этом все сферы деятельности человека [3].

Переходя непосредственно к искусственному интеллекту как к техническому объекту особого рода, можно также выделить современных отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся данной тематикой. Проблеме креативности ИИ и человеческого творчества разработывал С. Н. Семенов [4; 5]. В фокусе его работ — способы моделирования творческого процесса ИИ, который был бы равносителен человеческому. Автор приходит к выводу, что возможное решение проблемы лежит в плоскости программирования процесса творчества как разрешения диалектического противоречия вместо количественного развертывания понятий и образов. О творчестве в системах с ИИ также пишут А. Ф. Кудряшов и О. И. Елхова, приходя к выводу, что во взаимоотношениях человека и машины в сфере творчества лучшим вариантом будет постоянное опережение развития техники интеллектуальным прогрессом человека [6]. Н. Лич же в свете прогресса ИИ задается вопросом нашего понимания творчества в целом, ставя под сомнение само существование «креативности» [7].

Проблемами ИИ занимаются также А. Ю. Алексеев, А. В. Пушкарёв, Д. В. Глуздов, К. Киркпатрик и др. Тем не менее большая часть работ по теме посвящена пониманию самих границ творчества в ситуации технологических изменений; анализу особенностей отношений «искусственного» и «естественного» интеллектов; формированию нового понимания творческого процесса, которое было бы применимо к ИИ. В настоящем же исследовании основной акцент делается на поиске принципиальных отличий между характерами творчества ИИ и человека, на основании которых человеческий субъект смог бы найти способ утверждения собственной самости и почувствовать свою значимость.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Эпоха бурного развития информационных технологий, в том числе и ИИ, начинается со второй половины XX в. В культуре, философии и социальной среде это время совпадает с возникновением и укреплением специфических мировоззренческих позиций, относящихся к ситуации постмодерна. В связи с этим именно в дискурсе постмодернистской философии и связанной с ней философии постструктурализма кажется верным искать философские основания и культурные предпосылки, повлекшие за собой возможность уравнивания ИИ и человека в производстве текста и образов, а следовательно, и девальвации творчества как особой деятельности человека.

Характерной чертой философии постмодернизма является особое отношение к тексту. Постулируется сформулированный Ж. Деррида принцип «всё есть текст»: сам характер мышления становится гипертекстуальным, а границы мира начинают совпадать с границами языка. В таких условиях критически важным для рассматриваемой проблемы становится понятие интертекстуальности, согласно которому любой текст не является автономным, поскольку «образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем

уже читанных цитат — из цитат без кавычек» [8, с. 418], присутствуя в других текстах в более или менее узнаваемых формах. В рамках интертекстуальной парадигмы провозглашается, что «всё уже сказано», нечто новое и революционное невозможно, поскольку любое «новое», пребывая в границах языка и культуры, неявно ссылается на другие тексты и состоит из них. Как пишет Н. А. Хрущева, в постмодернизме «цитирование не только происходило непрерывно, но было определяющим, фундаментальным свойством всего искусства» [9, с. 60]. Подобное отношение к созданию культурных образов сводит творческий процесс к операциям отбора и перемешивания существующих обрывков текста и культурных кодов, т. е. к процессу, потенциально доступному компьютерному воспроизводству. Ведь именно таким образом и работает современный ИИ: обрабатывает огромные массивы обучающих данных и производит некий артефакт на основе комбинаторики ранее полученной информации.

Другим основанием для уравнивания человека и машины в создании образов является концепция «смерти автора» Р. Барта [8, с. 384–392]. Согласно этой концепции, фигура автора как самостоятельного творца теряет свой онтологический и аксиологический статус. Постулируется разрыв между писателем и написанным, авторитет автора становится ненужным ограничением для текста, связывающим возможности его интерпретации читателем. Текст становится независимым, а человек, его создавший, начинает мыслиться скорее производителем текста, чем творцом, заложившим определенный смысл в свое произведение. В XXI в. таким производителем текста уже может быть и ИИ. Если за текстом, изображением, мелодией или иным артефактом больше нет автора, чей замысел должен быть разгадан, то остается лишь «написанное», а кем оно создано, человеком или машиной, уже не имеет столь существенного значения.

Также стоит отметить, как через ИИ проявляется эклектизм современной культуры. Характеристика состояния культуры, звучащая как «по радио слушают регги, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в Макдональдс, на ужин — в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге» [10, с. 175], очень точно характеризует принцип работы ИИ. В эпоху глобализации наблюдается синкретизм культурных кодов различных эпох и народов, подобным образом и ИИ комбинирует различные характеристики и фрагменты разнородных понятий и концепций. В этом также прослеживается аналогия с человеческим поведением и мышлением.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что человек теряет привилегированное положение при создании культурных образов. Первостепенная роль отдается языку как главному «говорящему» субъекту, а человек и машина становятся равноправными акторами, использующими язык. Сам же человек начинает мыслиться как клубок ранее прочитанных текстов, который творит, неявно опираясь на бесчисленное число обрывков текстов и образов, какие он когда-либо видел ранее. Однако в таком случае человек перестает качественно отличаться от ИИ, ограничиваясь лишь количественной разницей в объеме данных, на котором проводится обучение. Подобное уравнивание человека

и машины таит в себе угрозу десакрализации человеческого творчества. Чтобы понять, в чём заключается опасность подобного восприятия, выделим особенности процесса создания текстов и образов машиной. Для этого, в первую очередь, обратимся к сущности техники как таковой.

Говоря о технике, многие философы (например, М. Хайдеггер и Ф. Г. Юнгер) рассуждают о ней в контексте добычи природной энергии, о том, как природные ресурсы посредством техники выходят из недр наружу, из «небытия» в «бытие». Согласно М. Хайдеггеру, ресурсы как «потаенное» раскрываются техникой через «постав», т. е. через поставляющее производство, завязанное на добыче, запасании и преобразовании [1]. Всё, что было «поставлено» данным образом, приобретает особую форму наличествования, которую М. Хайдеггер называет «состоящим-в-наличии». Вещь, добытая или произведенная посредством техники, существует лишь ради обеспечения возможности выполнения той или иной утилитарной функции (М. Хайдеггер приводит пример авиалайнера, каждая составная часть которого должна быть готова к полету в любой момент [1, с. 227]).

Логика поставляющего производства кажется применимой и к ситуации с компьютерной генерацией текстов и изображений. В этом случае в качестве «недр» выступают определенные культурные образы, идеи, смыслы, нарративы, а результатом производства становятся артефакты, созданные ИИ на их основе. Таким образом, можно говорить об экспроприации виртуальной реальностью ИИ всего человеческого. Смыслы, ценности, культурные коды, художественные образы — всё это становится «состоящим-в-наличии», однородным материалом для вторичной комбинаторики, которую ИИ как «постав» должен быть способен провести в любой момент по запросу пользователя. В связи с этим мы приходим к важному выводу о сугубо инструментальной и утилитарной организации творческого процесса ИИ. Деятельность ИИ направлена на техническое достижение гомогенности: существующие тексты и образы становятся для него ресурсом для комбинаций, который необходимо усреднить и унифицировать для соответствия пользовательскому запросу.

Сама сущность техники, а в равной степени и ИИ, заключается в упорядочивании и рационализации неорганизованного бытия, подчинении его собственным законам. Н. А. Бердяев пишет: «Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности» [2, с. 10]. Техника воспеваает однообразие жизни, заменяя «органически-иррациональное организовано-рациональным» [2, с. 11]. Основная опасность состоит в том, что тотальная рационализация может затронуть и самого создателя технических средств, имея «тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину» [2, с. 12]. О данной угрозе предупреждает и М. Хайдеггер, отмечая, как технический способ раскрытия истины скрадывает любые другие.

Каким же образом человек способен противостоять опредмечиванию со стороны техники, когда они оба являются производителями текста и когда само культурное производство переходит в сферу автоматизации? Если способом творчества, свойственным для ИИ, является поставляющее

производство по запросу, носящее исключительно прикладной характер, упорядочивающее и обезличивающее тексты и образы, на основе которых создаются артефакты, то характеристики и основания творчества человеческого, позволяющие утвердить человеку свою самость, должны составить контраст с технической организацией и находиться в плоскости ее преодоления.

Важнейшей чертой переосмысления творческой деятельности человека в свете появления ИИ может стать подчеркнуто личностное начало творческой активности. Личность находится в оппозиции к технике в том смысле, что она не может быть сведена к инструменту, поскольку сама по себе есть «единство в многообразии и целостность, она из себя полагает свою цель» [2, с. 29]. Создание же художественных образов техникой, сводящееся к манипуляциям с текстом, безлично. Для компьютера состоявшееся прошлое — лишь источник данных, тогда как для личности — это поле борьбы противоречий, источник конфликтов, переживание которых находит свое воплощение в творческом акте. Н. А. Бердяев пишет, что творческий акт всегда есть «освобождение и преодоление» [11, с. 10]. Если цель техники — достигнуть гомогенности и однородности, то цель личности в творческом акте — вскрыть гетерогенность окружающего мира, изобразить его во всем многообразии, связать разноприродные начала в творческом единстве. В этом состоит «религиозный смысл» творчества, как называет его Н. А. Бердяев. Творчество есть не просто производство артефактов, но главное средство утверждения человеческой личности: «Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены творчеством. Творчество по существу есть выход, исход, победа» [11, с. 10].

С личностным началом связана еще одна важная характеристика — спонтанность творческого акта. Машина создает образы по принуждению, поскольку всё ее существо «поставлено» на обеспечение возможности производить тексты и изображения по пользовательскому запросу, приходящему извне. Источник человеческого же творчества лежит внутри человека, являясь спонтанным импульсом личности. Именно через спонтанность происходит освобождение из автоматизированного цикла производства и потребления. Так, Н. А. Бердяев развивает идею спонтанности как свободной активности человека на пути к духовному возрождению, через которую человек ощущает всю безмерность свободы творчества и сближается с Христом [11, с. 55]. Э. Фромм же пишет о спонтанности следующее: «Спонтанная активность — это не вынужденная активность, навязанная индивиду его изоляцией и бессилием; это не активность робота, обусловленная некритическим восприятием шаблонов, внушаемых извне. Спонтанная активность — это свободная деятельность личности» [12, с. 262]. Основанием творчества человеческого в таком случае становится его понимание как подлинной свободы от принуждения.

Сущность человеческого творчества заключается в поэтическом творении. Г.-Г. Гадамер, анализируя работы М. Хайдеггера, пишет, что «сущность искусства составляет не переобразование уже оформленного, не отражение прежде существовавшего, но набрасывание нового как истины, которая выйдет наружу в творении» [13, с. 115]. В подобном понимании и кроется решение проблемы творчества человеческого и машинного. ИИ существует в парадигме интертекстуальности

и подразумевает нечто новое лишь как «переобразование оформленного». Человеческое же творчество должно быть понято поэтически, т. е. как место «манифестации истины», где личность через творение раскрывает бытие, открывает собственный мир, который «стоит в самом себе» и актуализируется через творческую активность человека. Иными словами, результатом машинного производства является готовый продукт, в то время как поэтическое творение не может быть сведено к одному только вещному базису, поскольку его предназначение состоит в раскрытии истины о сущем, сути бытия предметов. М. Хайдеггер, приводя пример картины Винсента Ван Гога «Башмаки», пишет: «Картина Ван Гога есть раскрытие, растворение того, что поистине есть это изделие, крестьянские башмаки. Сущее вступает в нескрытость своего бытия» [14, с. 123]. Таким образом, подлинно человеческим творчеством можно считать создание художественных образов, в которых открывается истинная сущность предметов, их «дельность». ИИ же способен только к комбинированию и упорядочиванию «запасенных» ранее образов.

Уникальность творчества человека также следует искать в характере взаимоотношений с внешним миром. Пример с извлечением ресурсов из недр земли техническими средствами демонстрирует установку на одностороннее расхищение природы. В соответствии со своей технической сущностью ИИ, хоть и не расхищает безвозвратно тексты, изображения и образы, на основе которых производит артефакты, но не привносит ничего нового в мир в «поэтическом» понимании, описанном ранее. Само существование техники направлено на приобретение, на получение объекта, который может быть использован в практических целях. В случае же человека всё оказывается сложнее. Если для техники творческий процесс является «получением», то для человека он предстает как «растрата», как потlach. В творческом акте человек высвобождает собственные чувства и эмоции, принося таким образом в жертву самого себя, осуществляя растрату ради нее самой. Подобный жертвенный «обмен» принципиально недоступен технике, занимающейся рационализацией и организацией бытия, поскольку растрата является процессом «в своей основе противоречащим процессу сохранения и производства, т. е. полезности» [15, с. 153]. В то же время творческий акт как потlach подразумевает и возможность возвращения дара человеку, поскольку «дар необходимо возвращается к тому, кто сделал первый шаг в цепочке дарения, в большем объеме» [15, с. 153]. Лишь полностью «растратив» себя в творчестве, человек в полной мере обретает самого себя в качестве творца, в качестве создателя отдельного духовного мира, иного бытия, занимаясь тем самым «набрасыванием нового как истины». Таким образом, личность, пусть и существует в рамках языка и культурной среды, всё же преодолевает парадигму интертекстуальности подобного рода «обменом» с миром посредством художественного творения. Категории дара, обмена и потлacha, применимые к человеческому творчеству, становятся антитезой одностороннему использованию и запасанию ресурсов со стороны техники.

Наконец, установки для утверждения самости через творчество могут также лежать в метамодернистском мировоззрении и в неоромантической чувствительности. Анализируя главные черты метамодернизма, Н. А. Хрущева пишет:

«В метамодерне знание о любом тексте как о чужом сохраняется, но как бы перестает быть проблемой» [9, с. 61]. Принимая интертекстуальность как неотъемлемую характеристику современного мира, метамодерн ищет «возвращения аффекта» [9, с. 75], возвращения эмоциональной чувствительности через искусство, открывая пути к преодолению негативного понимания интертекстуальности, в рамках которой любой текст воспринимается лишь как цитирование «чужого». Постмодернистское разочарование прошлым сменяется новой эйфорией метамодерна, «новой искренностью», найдя поддержку в которой, человек может начать «творить для себя», искренне отдаваясь творческому процессу как тому, что находит в нём эмоциональный отклик в данный момент, не обращая внимание на степень оригинальности своего высказывания и на иные потенциально обесценивающие творчество факторы, такие как возрастающее качество и высокая скорость производства артефактов, сгенерированных ИИ.

Заключение (Conclusion)

Возникновение генеративного ИИ как нечеловеческого субъекта, способного к созданию образов, требует от человека особого отношения и собственному творчеству, а также четкого понимания особенностей и границ возможностей техники применительно к творческому процессу. В рамках настоящего исследования были выявлены такие мировоззренческие установки, которые позволяют утвердить самость человеческого субъекта через творчество в свете дальнейшего развития ИИ. Сформулированные положения основываются на принципе уникальности творчества человека и невозможности свести его к машинному производству артефактов.

Резюмируя полученные результаты, можно заключить, что кардинальные отличия и основания творчества челове-

ческого в сравнении с техническим заключаются в следующем. Во-первых, творчество человека — это абсолютное утверждение личности, тогда как техника создает усредненное безличное представление. Во-вторых, техника предполагает унификацию и однородность прошлого в производстве образов, человек же вскрывает неоднородность мира в творческом акте. В-третьих, человеческое творчество — это спонтанный импульс, идущий изнутри и освобождающий личность, тогда как технический процесс происходит по запросу извне и является частью цикла производства и потребления. В-четвертых, творчество человека — это духовный опыт создания нового мира в поэтическом творении, создания иного бытия, «стоящего в себе самом», в противовес интертекстуальности и техническим операциям отбора и перемешивания текстов. В-пятых, техническая организация творческого процесса предполагает лишь одностороннее расхищение и использование ресурсов окружающего мира, тогда как человеческое творчество раскрывается через категории дара, растраты и «обмена» с миром.

В рамках данной работы поиск оснований для утверждения значимости человеческого творчества происходил через противопоставление человека и техники. Для более полного понимания проблемы в основу дальнейших исследований в области отношений человека и ИИ может лечь рассмотрение ситуации со стороны феноменологии техники, с точки зрения ИИ, а не человека. Перспективным направлением кажется анализ ИИ с позиции эксплуатации современной цивилизацией; вопрос о том, насколько техногенная цивилизация способствует проникновению ИИ во всё «человеческое», в том числе и в сферу творчества, закрепляя угрожающие позиции по отношению к человеку и традиционно человеческим формам самовыражения.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. 447 с.
2. Бердяев Н. А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–38.
3. Юнгер Ф. Г. Совершенство техники; Машина и собственность / пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб. : Владимир Даль, 2002. 558 с.
4. Семенов С. Н. Проблема креативности искусственного интеллекта и человеческое творчество // Философия и культура информационного общества : тезисы докладов Девятой Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, 2021. С. 102–104.
5. Семенов С. Н. Творчество и искусственный интеллект // Философия и культура информационного общества : тезисы докладов Восьмой междунар. науч.-практ. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения, 2020. С. 155–157.
6. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом // Вестн. Башкир. ун-та. 2016. Т. 21, № 4. С. 1124–1129.
7. Leach N. In the mirror of AI: what is creativity? // Architectural Intelligence. 2022. Vol. 1, no. 15. DOI: 10.1007/s44223-022-00012-x
8. Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 615 с.
9. Хрущева Н. А. Метамодерн в музыке и вокруг нее. М. : РИПОЛ Классик, 2020. 299 с.
10. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам Рос. акад. наук. 1995. С. 168–184.
11. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М. : Юрайт, 2024. 256 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ, 2004. 571 с.
13. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 99–115.
14. Хайдеггер М. Исток художественного творения : избр. работы разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М. : Академический проект, 2008. 525 с.
15. Трофимова К. П. Понятие «траты» и его место в системе жертвоприношения // Религиоведческие исследования. 2009. № 1–2. С. 152–155.